
Свадебный кортеж миновал городские ворота, проложив путь сквозь пеструю толпу и шумные торговые улицы, и наконец замер перед парадным входом в поместье хоу Юннин.

Фасад резиденции преобразился: повсюду атели шелковые ленты, даже каменные львы у ворот были украшены праздничным убранством. Сегодня тяжёлые створки главных ворот распахнулись настезь, приветствуя гостей.

Под радостные возгласы и приветствия Лу Чуань ловко спрыгнул с коня. Сопровождаемый свитой и хозяевами дома, он торжественно вошёл в поместье. Путь до двора Се Нина пролетел незаметно, но перед входом в покои его ждало первое испытание — путь преградила толпа родственников.

В Великой Ань издавна соблюдали обычай «преграды у ворот». Родня и друзья новобрачного должны были завалить жениха сложными задачами, и лишь преодолев их все, он получал право забрать суженого. Смысл этого обряда был прост: жениху нужно было показать, что ради своей любви он готов пройти пять застав и сразить шесть воевод, а значит, и в будущем станет беречь свою половинку.

Первым вперед вышел Се Мин. Будучи человеком прямым и не склонным к книжным премудростям, он решил не мудрить с загадками. Для него истинный муж — это прежде всего сила и здоровье, ведь только крепкий мужчина сможет сделать Нин-гээр счастливым. Поэтому первым испытанием стала проверка мощи.

— Требования мои просты, — зычно объявил Се Мин. — Если сумеешь поднять этот камень и продрержать его в течение половины «четверти часа», считай, проход свободен.

По его жесту двое слуг вынесли массивный каменный блок. Лу Чуань прикинул на глаз: в этом булыжнике было не меньше ста цзиней. Се Мин вовсе не хотел поиздеваться над зятем — для любого крепкого деревенского парня такая ноша была вполне по силам.

Вот только он позабыл, что его будущий родственник — книжник, чья сила обычно не простирается дальше кисти для письма. Да и всего несколько месяцев назад Лу Чуань был настолько слаб, что не смог даже закончить провинциальный экзамен.

Лу Чуань наклонился, примериваясь, а затем, издав короткий возглас, обхватил камень и рывком поднял его к груди. Перехватив поудобнее, он вытолкнул тяжесть над головой.

— Хорош! — выкрикнул кто-то в толпе.

— Жених-то не промах! Молодчина!

Гул одобрения прокатился среди гостей. Лу Чуань, стиснув зубы и напрягая всё тело, старался сохранять неподвижность.

«Как же хорошо, что я эти месяцы постоянно занимался собой, — пронеслось в голове у Лу Чуаня. — Окажись я в том состоянии, в каком прибыл сюда, позор настиг бы меня на первой же заставе».

Пятнадцать минут — это «четверть часа», а половина от неё — семь с половиной минут. Под бодрые возгласы время пролетело быстро. Наконец срок истек. Лу Чуань опустил камень на землю. Лицо его не изменилось, лишь на висках выступила мелкая испарина.

Приняв платок из рук Чэнь Циншаня, он вытер пот и, слегка переводя дух, спросил:

— Ну что, испытание пройдено?

Се Мин, сам человек широкой души, не мог не оценить старания хрупкого на вид книжника. Увидев, как тот уверенно справился с весом в сто цзиней, он довольно хлопнул в ладоши:

— Пройдено! Не ожидал, молодец!

Лу Чуань позволил себе мимолетную улыбку. Обычно испытаний было три. Ученые мужи состязались в каллиграфии и поэзии, а военные — в силе. В союзе Се Нина и Лу Чуаня столкнулись два мира. Семья Се подумывала было задать жениху какую-нибудь задачу по литературе, но в их окружении почти не водилось людей, способных отличить одно изящное четверостишие от другого.

Так что вторым испытанием тоже стала проверка силы. Семья Се и рада бы придумать что-то иное, но нужно было, чтобы и Лу Чуань в этом разобрался, и они сами не ударили в грязь лицом. Знай жених об этих терзаниях, он бы только поблагодарил их — отвечать на вопросы по политике или декламировать сложные оды было бы для него, гуманитарного недоучки, истинной пыткой!

Вперед вышел Се Бо. Он молча протянул руку. Лу Чуань ответил тем же. Вторая преграда оказалась банальным армрестлингом.

Се Бо, в отличие от импульсивного младшего брата, прекрасно осознавал границы дозволенного. Он понимал, что даже если Лу Чуань окреп, тягаться с профессиональным военным ему не под силу. А ведь сегодня свадьба Нин-гээр! Нельзя же в самом деле сорвать торжество и не дать ему выйти замуж?

Мельком он бросил на Се Мина строгий взгляд. Тот, не поняв намека, решил, что старший брат

хвалит его за отличную идею с камнем, и довольно ухмыльнулся. Се Бо лишь мысленно вздохнул: «Ну и дурень, смотреть тошно...»

Всё это заняло лишь мгновение. Соперники сцепили ладони. Лу Чуань почувствовал, что рука старшего шурина подобна железному лому, но почти сразу ощутил, как тот начал плавно сдаваться. Поняв, что ему подыгрывают, Лу Чуань вложил в рывок все силы и прижал руку противника.

Толпа снова взорвалась ликованием. Все прекрасно видели, что Се Бо поддался, но никто не был настолько глуп, чтобы высказать это вслух.

Когда шум утих, наступил черед самого младшего. Се Цзинь вышел вперед с самым серьезным видом.

— У племянника просьба тоже невелика, — звонко произнес мальчик. Его пухлые щеки были забавно надуты от важности момента. — Прошу дядю прочесть «цуйчжуанши» — стихотворение, торопящее невесту.

Лу Чуань невольно залюбовался ребенком. Се Цзинь был, пожалуй, самым образованным в семье: он уже несколько лет учился в Гоцзыцзяне и в делах изящной словесности смыслил куда больше своего второго дяди.

Чтение цуйчжуанши — венец испытаний. Талантливые женихи слагали строки сами, те, кто попроще — цитировали классиков. Лу Чуань подготовился заранее: писать стихи он не умел, зато зазубрил несколько шедевров так крепко, что мог бы отчеканить их даже в бреду.

Едва сдерживая желание потрепать Се Цзиня за щеку, Лу Чуань начал декламировать:

— Доносятся слухи: при свете свечи нанесен уже алый румянец, и зеркало видит весну пред собой в наряде и дивном убранстве. Не нужно скрывать за белилами лик, опуская вуаль иль цюэшань — оставьте лишь брови, чтоб мог их дорисовать тот, кто ныне за вами пришел.

— Прекрасно!

— Ох, и складно же говорит!

Едва он закончил, нанятая «группа поддержки» тут же подняла шум. На самом деле мало кто из собравшихся у дверей по-настоящему вник в смысл строк Цзя Дао — оценить красоту образа мог разве что Се Цзинь. Но для свадьбы главное — радость и громкие крики, а этого было в избытке.

Преодолев все преграды, Лу Чуань наконец переступил порог покоев Се Нина.

В Великой Ань девушки обычно закрывали лицо красным платком, но для гээр это правило было необязательным. Се Нин предпочел другой обычай — он держал перед лицом цюэшань, изящный веер-преграду.

Войдя, Лу Чуань успел увидеть лишь его профиль. В свадебном наряде Се Нин казался невероятно ярким, почти ослепительным в своей красоте.

Жених замер. Глядя на веер, скрывающий лицо суженого, он на мгновение лишился дара речи. В голове не осталось ничего, кроме этого прекрасного образа.

— Ох, глядите-ка! Наш гээр так хорош собой, что жених дар речи потерял! — весело прокомментировала Сваха Ван, видя, как Лу Чуань застыл в дверях.

Раздался дружный смех, и Лу Чуань, спохватившись, наконец отвел взгляд.

Се Нин почувствовал, как обжигающее внимание, пригвождавшее его к месту, наконец ослабло. Он незаметно выдохнул — на мгновение его охватило странное волнение.

Наступил черед прощания с родителями. Хоу Юннин и матушка Се восседали на почетных местах. Молодожены встали перед ними, совершив глубокий поклон.

Глядя на сына в алом шелке, матушка Се не выдержала. Сердце предательски сжалось, а в уголках глаз заблестели слезы. Она растила его восемнадцать лет — от крошечного младенца, едва умевшего ползать, до этого ослепительного красавца.

Она прижала платок к лицу, пытаясь скрыть нахлынувшие чувства.

— Живите в ладу, — произнесла она прерывающимся голосом. — Если будет трудно, помните: двери нашего поместья всегда открыты для вас.

Она и не подумала давать наставления о «добродетели» или «послушании». Единственное, чего она желала своему Нин-гээр — это счастья.

Хоу Юннин, этот огромный и грозный воин, сейчас тоже стоял с покрасневшими глазами. Голос его звучал глухо и хрипло:

— Нин-гээр — наш любимец, мы в нем души не чаяли. Если посмеешь обидеть его, я тебя не пощажу!

Лу Чуань твердо кивнул:

— Даю слово: пока я жив, Се Нин не узнает обид.

После прощания по обычаю старший брат должен был вынести новобрачного из дома на спине. Эта честь выпала Се Бо.

Прижавшись к широкой спине брата и чувствуя его тепло, Се Нин вдруг вспомнил, что не помнил, когда в последний раз тот носил его так. И это, скорее всего, случится в последний раз!

При этой мысли даже в его бесшабашной душе шевельнулась тоска и смутная тревога. Настроение мгновенно омрачилось.

Се Бо донес брата до паланкина и, опуская его, тихо прошептал:

— Не бойся, Нин-гээр. Брат рядом.

Эти слова он говорил всегда, когда Се Нин не мог с чем-то справиться. И сейчас сердце гээр сразу успокоилось: даже если впереди будет трудно, старший брат всегда его поддержит.

— Угу, — едва слышно отозвался Се Нин, и брат усадил его в паланкин.

Заиграла музыка. Лу Чуань вскочил в седло, и свадебный кортеж тронулся в путь, к резиденции Лу.

Процессия снова потянулась через шумные улицы, но теперь за ней следовало бесконечное множество сундуков с приданым. Зеваки на обочинах не могли сдержать восторженных криков.

— Смотрите! Это чья же свадьба? Сколько добра везут!

Матушка Се не поскупилась: помимо лавок и поместий, она подготовила горы драгоценностей, шелков и мебели. Она продумала каждую мелочь, которая могла понадобиться сыну в новой жизни. Такое приданое не уступило бы и княжескому.

Праздные люди принялись вслух считать подносы.

— Ого! Да тут никак не меньше ста двадцати тай!

— Помню, когда князь Лян выдавал дочь, там было всего сто восемь!

— Надо же, богаче, чем у принцессы!

— Так кто же это празднует?

— Слыхал я, это хоу Юннин гээр замуж выдает.

— Того самого? И столько приданого за одного гээр?

— А ты не знал? В поместье Юннин в нем души не чают!

— Постойте-ка, я слышал, от него же жених отказался. За кого же он теперь идет?

— Эх ты, темнота! Давно уж нового нашли — говорят, за какого-то сюцая.

— За сюцая? Всего-то? Прежний-то цзиньши был... чего ж так мелко?

— Да какая разница! С такими деньгами да властью хоу хоть за кого отдаст. Посмотри на это богатство! Кабы хоу на меня глянул, я б сам в паланкин прыгнул!

— Тьфу на тебя! Жаба подколотная, размечтался!

— И то верно! А тот, прежний-то, небось сейчас локти кусает. Такое приданое мимо рук уплыло!

Люди на улице спорили, не подозревая, что в ближайшем трактире на втором этаже каждое их слово ловит случайный слушатель.

Лянь Инцзе так сильно сжал кубок, что костяшки пальцев побелели. Сегодня на нем был богатый наряд и венец из белого нефрита — он выглядел совсем не так, как привык видеть Се Нин. Больше не было поношенного халата и простой ленты в волосах.

Раскаяние жгло его изнутри. Мысль о том, что Се Нин станет чужим супругом, заставляла его скрежетать зубами от бессильной ярости. Но в этом раскаянии слышался и ропот — он винил Се Нина за то, что тот не проявил понимания, не согласился стать наложницей.

Лянь Инцзе был уверен: он по-прежнему любит его. Пусть строптив, но в нем не было коварства, с ним было легко, а его красота кружила голову.

А теперь... дома его ждала бесцветная жена, вечно ворчащая мать и бесконечные долги. Мать снова требовала, чтобы он передал ей приданое невестки для управления, и от этих мыслей голова шла кругом.

Глядя на бесконечный ряд сундуков, Лянь Инцзе невольно вспомнил приданое своей жены —

всего сорок восемь тай. Жалкие крохи по сравнению с этим океаном богатства.

Подлый шепоток в его душе не умолкал: если бы Се Нин согласился быть его наложницей, всё это богатство принадлежало бы семье Лянь.

Знай Се Нин, о чем помышляет этот человек, он бы не раздумывая плюнул ему в лицо. Такое ничтожество не стоило и одной медной монеты из его сундуков.

<http://bllate.org/book/15313/1354403>